Филемонъ и Бавкида.

Хорошее тогда время было.

Иначе жилось, иначе чувствовалось, и время было не то, и люди не тѣ, и самъ, надо полагать, не тотъ что теперь, когда судьба заставила мыкаться по чужому холодному сѣверу, навсегда оторвавши отъ родимаго свѣтлаго юга.

Иначе тогда было: выйдешь на лугъ, раскинувшійся словно безграничное зеленое море и охватитъ тебя эта безконечная луговая ширь, и сольется съ тобою, и точно живешь съ нимъ одною жизнью, говоришь съ нимъ, и отвѣчаетъ онъ тебѣ тихимъ шопотомъ прибрежнаго тростника на голубыхъ озерахъ, чибисиными криками, звучнымъ стономъ пролетнаго кроншнепа, свистомъ крыльевъ утиной стаи.

Въ лѣсъ ли войдешь—и лѣсъ тебѣ словно родной, и чаруетъ, поглощаетъ тебя его вѣковѣчная могучая сила; близки и понятны тебѣ его и горе, и радость, и дикая музыка бури, и глубокая, непробудная тишь; душою чуешь, о чемъ шумитъ старый морщинистый дубъ, и на что ропщутъ высокія сосны, задумчиво качая своими зелеными головами.

Теперь не то: на лугъ выйдешь—и первымъ дѣломъ сообразишь, сколько мужикъ аренды дастъ за десятину; на лѣсъ поглядишь—и сейчасъ въ умѣ прикинешь, сколько на срубъ десятина стоитъ.

И не то, чтобъ въ этомъ былъ мой личный интересъ:—у стараго пролетарія, какъ я, никогда сроду клочка ни луга, ни лѣса не было;—нѣтъ, а просто потому, что съ людьми такими живешь и поневолѣ къ ихъ образу мыслей привыкаешь.

Иначе прежде было: жидоморства этого самого было меньше, а бывали люди даже и совсѣмъ нежидоморные...

Стоялъ сентябрь, тотъ южный сентябрь, о которомъ жители даже средней полосы Россіи понятія имѣть не могутъ; правда, небо уже поблѣднѣло, потеряло свою глубокую синеву, стало холоднымъ и прозрачнымъ, но солнце свѣтило и грѣло совсѣмъ полѣтнему; лѣсъ стоялъ во всемъ своемъ лѣтнемъ уборѣ и лишь изрѣдка на его темнозеленомъ фонѣ выдѣлялись пятна золота и яркаго пурпура; „бабье лѣто“ длинными нитями тянулось по травѣ, застилая луга точно серебряною тканью; въ садахъ наливались и зрѣли и яблоки, и огромныя груши, и синія сливы.

Цѣлый день съ ранняго утра охотились мы съ Михайломъ Алексѣевичемъ Лещиновымъ; старались изо всѣхъ силъ, но намъ не везло. Однопометники золотистой масти, краса и гордость Лещинова, работали добросовѣстно, хорошо искали и хорошо держали зайца въ лѣсу; но стоило только звѣрю вырваться въ поле—и онъ былъ спасенъ: попадая въ проклятую паутину, гончія теряли чутье, скалывались, и точно одурѣлыя задавали круги по полю въ безплодныхъ стараніяхъ отыскать потерянный слѣдъ.

Въ результатѣ къ вечеру Михайломъ Алексѣевичемъ былъ застрѣленъ зайченокъ, ростомъ съ кошку, да я случайно убилъ подвернувшагося подъ выстрѣлъ вальдшнепа.

Приходилось возвращаться домой; но до Цыплятевки, родовой деревушки Лещинова, было далеко: верстъ за двадцать пять, а то и больше, отбились мы отъ дому, къ вечеру только добрались до самыхъ настоящихъ мѣстъ, гдѣ именно и разсчитывали натѣшиться—и перспектива обратнаго путешествія въ Цыплятевку намъ совсѣмъ не улыбалась.

— Михайло Алексѣевичъ, не заночевать-ли намъ тутъ?

— Нѣтъ не резонъ: ни ѣды у насъ, ни питья, да и ночи теперь холодныя.

— Не замерзнемъ авось?!

— Положимъ; ну а все же...

— Не въ Цыплятевку-жъ ѣхать?!

— Оно точно... А знаете,—воскликнулъ Лещиновъ

подъ вліяніемъ снизошедшаго на него вдохновенія: ѣдемъ къ Бакаревскимъ.

— А что оно такое, эти Бакаревскіе?

— Это, батюшка, люди!

— Догадываюсь и я, что не собаки.

— Люди, батюшка, настоящіе! Милые, добрые... Читали „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ?“

— Былъ тотъ грѣхъ.

— Ну вотъ, точно съ нихъ списаны... вѣрно вамъ говорю! Ѣдемъ! Тамъ, батюшка, полное ублаготвореніе будетъ: и насъ ублаготворятъ, и кобылу ублаготворятъ, и Никитку ублаготворятъ, и собакъ...

— Никитка, поворачивай кобылу на Гущанскую дорогу!

— Къ Бакаревскимъ?—просіялъ Никитка.

— Къ нимъ!

Таратайка наша быстро покатилась, стуча колесами по гладкой, хорошо убитой дорогѣ. Скоро дорога повернула въ лѣсъ, побѣжала, извиваясь между столѣтними соснами, подошла къ болотистой рѣченкѣ съ длинной, тряской плотиной и дрожащимъ мостикомъ, и привела наконецъ въ небольшую деревушку, затерянную въ самой глуши дремучаго лѣса.

Лѣсъ точно давилъ деревушку и вторгался въ нее то огромными соснами, росшими на мужицкихъ огородахъ, то зарослями осины и березника, подходившими подъ самыя избы и гумна.

Мы объѣхали задворками и передъ нами открылась усадьба Бакаревскихъ съ низенькимъ одноэтажнымъ домомъ, съ хорошими хозяйственными постройками и обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ высокимъ частоколомъ. Солнце только что сѣло, когда мы въѣхали во дворъ.

Обширный дворъ весь былъ полонъ разнообразными звуками: все тамъ мычало, хрюкало, гоготало и кудахтало: происходило вечернее кормленіе всякаго скота; на крыльцѣ стояла невысокая старушка въ темномъ шерстяномъ платьѣ и кофтѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ.

— Ну вотъ, такъ и знала!—всплеснула она руками, увидѣвши насъ,—такъ и знала, что будете! Съ самаго утра

чешется лѣвая нога; чешется да и чешется. Непремѣнно, говорю, Павелъ Ивановичъ, къ вечеру гости будутъ, непремѣнно! Либо Алексѣй Ивановичъ, либо кто другой, а ужъ будутъ, непремѣнно будутъ!

— Мы къ вамъ ночевать, Ѳедосья Петровна!

— А то какъ-же еще?—удивилась она.—Павелъ Ивановичъ! Па-а-велъ!

— Вотъ и я. Что тамъ такое?—раздался голосъ изъ комнаты, и на крыльцо вышелъ высокій старикъ въ короткомъ коричневомъ пальто; въ рукѣ держалъ онъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ.

— Къ лѣсному дѣду наконецъ пожаловали, заговорилъ онъ: это хорошо, это чудесно!

Несмотря на видимо глубокую старость, „лѣсной дѣдъ“ держался совершенно прямо и бодро; совсѣмъ бѣлая борода спускалась до пояса; сѣдыя густыя брови хмуро сдвигались, образуя на лбу глубокую складку; но подъ этими сурово нависшими бровями свѣтились такіе добрые, кроткіе глаза, что впечатлѣніе суровости совершенно изглаживалось.

— Завтра въ вашихъ Гущанскихъ лѣсахъ охотиться будемъ, Павелъ Ивановичъ, заявилъ Лещиновъ.

— Знаю, знаю, что въ нашихъ! Убьете мою козку, не помилуете... А козы есть... Эхъ, пошелъ бы и я съ вами, да такое лихо—ружья нема.

— А ваша касселька?

— Повезъ Алексѣй Ивановичъ въ городъ передѣлывать: стыдно, говоритъ, тебѣ старому изъ кремневки палить!—Можетъ оно и стыдно по теперешнему; а по мнѣ моя касселька и такъ была хороша... Ну и повезъ, да такъ вотъ до сихъ поръ и не привозитъ.

— Мы козъ не тронемъ, Павелъ Ивановичъ: бѣлячка погоняемъ.

— Ну какъ не тронемъ?! тутъ одна чуть не возлѣ самой усадьбы живетъ... Убьете мою козку; душа моя чуетъ...

— Павелъ Ивановичъ! отозвалась изъ комнатъ Ѳедосья Петровна: что ты гостей на дворѣ держишь?!—Гости

дорогіе, пожалуйте, милости прошу, пожалуйте: закуситьто надо послѣ охоты!

Мы пожаловали въ комнаты и увидѣли длинный, столъ, покрытый бѣлою, съ красными вышивками, скатертью; на столѣ тянулся длинный рядъ маленькихъ графинчиковъ съ разнообразными настойками, начиная отъ свѣтложелтой апельсинной до какой-то темносиней включительно.

По правиламъ старинной деликатности нужно было попробовать каждой и о каждой выразить свое мнѣніе радушнымъ хозяевамъ; но графинчиковъ было такъ много, что всякій пробующій, будь онъ хоть семи пядей во лбу, прежде чѣмъ дойти до конца, навѣрное потерялъ бы способность различить, гдѣ свѣтложелтая и гдѣ темносиняя.

Изслѣдовали и мы содержаніе нѣкоторыхъ графинчиковъ и налегли на поросенка, у котораго, по словамъ Павла Ивановича, была такая нѣжная кожа, что ей бы сама предводительша позавидовала.

За поросенкомъ послѣдовала телятина, а тамъ караси въ сметанѣ, затѣмъ индѣйка, затѣмъ еще что-то такое. Въ мою душу сталъ проникать священный ужасъ. Павелъ Ивановичъ укоризненно покачивалъ головою и слегка ироническая усмѣшка шевелила его сѣдые усы:—Ну и люди, казалось, говорила эта усмѣшка; даже ѣсть по-людски не умѣютъ.

— Вотъ бабки попробуйте! угощала Ѳедосья Петровна: такая бабка сегодня удалась, на рѣдкость! Вотъ попробуйте—скажите!

Попробовали мы и бабки, и я почувствовалъ, что теряю сознаніе времени и пространства; поглядѣлъ на Михайла Алексѣевича, а у того глаза совсѣмъ посоловѣли и дышетъ онъ на подобіе умирающаго...

Видя, что мы окончательно переполнились и стали неспособны не только къ умнымъ, но и ни къ какимъ разговорамъ, хозяева отвели насъ въ спеціально для насъ приготовленную комнату и уложили на двухъ пуховикахъ, пожелавъ намъ спокойной ночи и пріятнаго сна.

Но намъ было совсѣмъ не до сна: ужинъ, духота въ комнатѣ, пуховики, все это не допускало и мысли объ ус-

покоеніи. Долго мы ворочались съ боку-на-бокъ, наконецъ я окликнулъ сотоварища.

— Михаилъ Алексѣевичъ, какъ вы себя въ своемъ животѣ чувствуете?

— Туго. А вы?

— Даже очень туго: боюсь, какъ бы не лопнулъ.

— Ну, авось Богъ милостивъ...

Только передъ разсвѣтомъ удалось вздремнуть и то не надолго: разбудилъ насъ какой-то необычайный шумъ, собачій лай, громкіе голоса. Оказалось, пріѣхалъ Алексѣй Ивановичъ Бѣлизна съ потомствомъ мужскаго пола изъ двухъ сыновей, Ивана и Петра состоящимъ, и со стаей собакъ смычковъ въ двадцать. Мы сразу сообразили, что охота предстоитъ грандіозная.

Наскоро одѣвшись вышли мы въ залъ и къ крайнему удивленію, нашли Павла Ивановича совсѣмъ готовымъ, точно онъ и не ложился вовсе. Бакаревскій разсматривалъ привезенную изъ города Бѣлизной широкогорлую кастрюльку и говорилъ:

— А вѣдь поглядите: съ пистономъ точно какъ-будто лучше. Э... теперь держись коза! А вѣдь на меня выйдетъ, Алексѣй, какъ ты думаешь?!

— На васъ, на васъ, Павелъ Ивановичъ!

Старый Бѣлизна былъ почти такой-же древній человѣкъ какъ и Бакаревскій, но относился къ сему послѣднему почтительно и говорилъ ему „вы“ и „Павелъ Ивановичъ“; Бакаревскій-же звалъ его просто Алексѣемъ.

— Эхъ вы, сони! напалъ на насъ Алексѣй Ивановичъ: извольте собираться!

— Да мы готовы.

— Готовы?! Такъ ничего не пивши, не ѣвши?!

— Мы вчера съ вечера на цѣлую недѣлю наѣлись.

— Слышите, Павелъ Ивановичъ?! — слышите, какія ереси пошли!..

Павелъ Ивановичъ снисходительно покачалъ головою.

— Извѣстно, молодые люди: ничего еще не понимаютъ!..

Мы отправились въ лѣсъ. Бакаревскій захватилъ съ собой маленькую низенькую скамеечку.

— Э .. я всегда теперь такъ, объяснилъ онъ: ноги-то старыя; за вашимъ братомъ не угоняешься. А я себѣ мѣстечко выберу, на скамеечкѣ присяду — глядишь коза на меня и выйдетъ; а не выйдетъ и такъ посижу.

Почти возлѣ самой усадьбы заголосили гончія. Коза вышла прямо на Бакаревскаго: онъ выдержалъ ее, выцѣлилъ и произошла осѣчка.

Долго осматривалъ Павелъ Ивановичъ свою кассельку, качалъ головою и приговаривалъ:

— Вотъ тебѣ и пистонъ, вотъ тебѣ и новая мода! Но помочь дѣлу ужъ нельзя было: коза шарахнулась со всѣхъ ногъ, наддала ходу и увела собакъ невѣдомо куда.

Охота вышла совсѣмъ неудачной. По возвращеніи домой Бакаревскій горько жаловался по поводу своей осѣчки.

— Эхъ Алексѣй, Алексѣй! А еще умнымъ человѣкомъ считаешься! Ну зачѣмъ ты мнѣ эту свистульку придѣлалъ?! Пистонъ! Вотъ тебѣ и пистонъ! Въ рукахъ коза была... Вотъ тебѣ и пистонъ!

— А ужъ будто съ кремнемъ у васъ и осѣчекъ не бывало, Павелъ Ивановичъ!

— Бывало, какъ не бывать... только тамъ дѣло поправимое... Помнишь медвѣдя, Алексѣй?

— Помню...

— То-то, помню! Вышелъ медвѣдь на меня на облавѣ, — обратился къ намъ Павелъ Ивановичъ — вышелъ и сталъ; я—чикъ... осѣчка, а онъ стоитъ; я опять—чикъ... а онъ опять стоитъ; я ногтемъ кремень поскребъ, да какъ шарахну, а онъ и готовъ... Вотъ вамъ и кремень!.. А то пистонъ!.

— А шкуру не совсѣмъ еще моль съѣла, Павелъ Ивановичъ?

— Съѣла проклятая. Что подѣлаешь?! Ужъ я и табакомъ посыпалъ, не беретъ!

— Ну еще-бы! Знаете, убилъ онъ медвѣдя ровно сто лѣтъ тому назадъ; а шкуру у себя въ кабинетѣ повѣсилъ.

— Ну что ты брешешь, Алексѣй?! Какихъ-же сто лѣтъ?! Мнѣ и отъ роду столько нѣту... Вотъ что ты съ нимъ подѣлаешь! у самого голова, какъ лунь, такъ хочетъ

и меня въ старики записать. Такая ужъ душа завидливая. А я, какой-же я старикъ?! Я еще жениться собираюсь; вотъ только свою бабу сбуду куда-нибудь — сей-же часъ женюсь... Я на прошлой недѣлѣ и возилъ таки свою Ѳедосью Петровну въ городъ на базаръ, думалъ,—не продамъ-ли... такъ нѣтъ-же, не покупаетъ никто... такъ назадъ и привезъ!..

— Будетъ тебѣ болтать, старый!.. кушать пора! отозвалась Ѳедосья Петровна.

За обѣдомъ кушаній и напитковъ было еще больше, чѣмъ вчера, и мы опять объѣлись до отупѣнія

— И много-ли человѣку нужно? резонировалъ старый Бѣлизна, пыхтя и отдуваясь, какъ кузнечный мѣхъ.—Самую малость! чарка горѣлки, да борщъ со свининой, ну лапша, скажемъ, порося да хрѣну, ну соусъ тамъ какой, рыба, ну жареное, пирожное, вареники тоже, да еще что-нибудь—и довольно, и сытъ, и слава тебѣ, Господи!...

Послѣ обѣда разъѣхались, давши слово Павлу Ивановичу пріѣхать къ нему въ концѣ октября.

Въ назначенное время мы всей гурьбой опять навалились къ Бакаревскимъ; встрѣтили тотъ-же радушный пріемъ; также привѣтлива и хлопотлива была Ѳедосья Петровна; но Павелъ Ивановичъ значительно осунулся и подряхлѣлъ: онъ, державшійся недавно еще такъ прямо и бодро, теперь сгорбился и сталъ точно ниже ростомъ, глухо кашлялъ и кутался въ полушубокъ, несмотря на то, что комнаты были жарко натоплены.

— Павелъ Ивановичъ, что съ вами? заговорили мы на перебой.

— Э... что со мною?! А я развѣ знаю.... Должно Игнашка подлецъ на меня простуду нагналъ... Ѣхалъ я двѣ недѣли назадъ изъ города... ночью... я ему и говорю: Игнашка, дорогу-то береги!—Берегу, Павелъ Ивановичъ, отвѣчаетъ, да и вбухалъ лошадей прямо въ Гущанку... Ужъ какъ онъ, окаянный, плотину миновалъ—понять не могу. Куриная слѣпота, говоритъ, напала...

— Ну?

— Ну, вылѣзли мы въ воду, а вода выше пояса; пока

бричку, лошадей выручали, то да се, а я чувствую, что у меня зубъ-на-зубъ не попадетъ.... Игнашка, подлецъ, говорю, а вѣдь намъ съ тобой карачунъ будетъ!—Э, говоритъ, Богъ милостливъ, Павелъ Ивановичъ!—Милостивъ-то, милостивъ, отвѣчаю: а ты все-таки свинья!..—Такъ въ этихъ разговорахъ и домой доѣхали... Съ того и пошло.

Старикъ видимо усталъ и закашлялся. Ѳедосья Петровна не спускала съ него безпокойнаго взгляда.

— Будетъ тебѣ, старый, не говори много!

— И то ладно! согласился Павелъ Ивановичъ, но черезъ минуту опять началъ:

— А это вы чудесно сдѣлали, что пріѣхали... то есть вотъ какъ чудесно!.. завтра я съ вами пройдусь, такъ съ меня эту хворость какъ рукой сниметъ.

— Что ты, что ты?!—замахала него руками Ѳедосья Петровна—не думай себѣ! Не пущу!.. Господа, не берите его съ собою! Пожалуйста не берите!

— Не возьмутъ, матушка, я самъ пойду... Что ты мнѣ здоровья не желаешь?

Упрямый старикъ подъ вліяніемъ нездоровья хмурился и становился раздражителенъ и несправедливъ. У Ѳедосьи Петровны слезы навернулись на глазахъ, но она не возражала: она знала хорошо, что стараго хохла не переупрямить, и низко опустивши голову вышла изъ комнаты хлопотать объ ужинѣ.

— Э... цѣны моей бабѣ нѣтъ! снова заговорилъ Павелъ Ивановичъ. Да и нѣтъ таки, повторилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Шестьдесятъ лѣтъ прожили вмѣстѣ, такъ я знаю... А все-таки баба!

За ужиномъ рѣчь шла, прилично случаю, о человѣческихъ болѣстяхъ и о врачахъ, оныя пользующихъ. Большинство склонялось къ тому мнѣнію, что всѣ врачи и медикаменты изобрѣтены собственно на погибель рода человѣческаго и что супротивъ перцовки для растиранія поясницы и липоваго цвѣта для произведенія испарины до сихъ поръ ничего совершеннѣе невыдумано.

Одинъ старый Бѣлизна явился защитникомъ медицыны и на замѣчаніе, что всѣхъ врачей слѣдовало бы смести

метлой съ бѣла свѣта въ одну яму, землей присыпать да и утоптать сверху хорошенько, возразилъ такъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Врачи—они тоже Божье попущеніе; да и разные врачи бываютъ. Вотъ у меня племянникъ—докторъ чудесный; одна бѣда—мѣры не знаетъ, а лѣчитъ хорошо. Заболитъ, примѣрно, у кого животъ—онъ ему сала топленаго стаканъ, не то два; пройметъ его саломъ, такъ что удержу нѣтъ—онъ ему грушъ сушеныхъ; заберетъ съ грушъ такъ, что хоть крикомъ кричи—онъ ему опять сала: такъ и лѣчитъ, пока не залѣчитъ.

— Хорошъ докторъ!

— То-то и я говорю: докторъ хорошій... Мѣры не знаетъ, а средства самыя настоящія...

На другой день чуть свѣтъ Павелъ Ивановичъ былъ на ногахъ; онъ былъ совсѣмъ свѣжъ и бодръ и даже слегка подсмѣивался надъ нами.

— Что, Алексѣй?! Каковъ я?! допекалъ онъ стараго Бѣлизну: самому тебѣ своей старости стыдно, такъ хочешь меня въ компаньоны себѣ записать? Нѣтъ, братъ, это еще погоди! Вотъ я всѣмъ сегодня покажу на охотѣ, какой я старикъ, и можно-ли меня съ Бѣлизной ровнять! Я еще, можетъ, самому долговязому Михайлѣ носъ утру, вотъ какъ.

Онъ вскинулъ глазами на Лещинова и лукавая улыбка зазмѣилась подъ его бѣлыми усами.

— Дай Богъ, дай Богъ, Павелъ Ивановичъ! Утрите носъ Михайлѣ: вишь онъ какой у него выросъ! отозвался Бѣлизна младшій.

— Не чета твоей пуговицѣ! огрызнулся Лещиновъ: у тебя и утирать-то нечего!

— А ну, хлопцы! Аррря! прикрикнулъ на нихъ старый Бѣлизна.—Гайда въ дорогу! Полно зубы точить!

Мы гуськомъ тронулись со двора Павла Ивановича, сопровождаемые огромною стаей гончихъ подъ руководствомъ доѣзжачаго, носившаго, сообразно обстоятельствамъ, почетныя клички: то Ирода, то Каина, то Соломона премудраго.

Впереди всѣхъ бодро шагалъ Павелъ Ивановичъ; въ

одной рукѣ онъ держалъ неизмѣнную кассельку, въ другой—неизмѣнную скамеечку.

- Дайте, Павелъ Ивановичъ, я понесу вамъ и ружье и скамейку! обратился къ нему Лещиновъ.

— Скамейку, пожалуй, понеси—спасибо скажу, отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ: ну а ружье, братъ, не дамъ: это ужъ такое баловство будетъ! Охотникъ идетъ, а за нимъ его ружье несутъ! Ужъ на что польскіе паны были балованные, а и тѣ на охотѣ свои ружья сами носили, а хлопы только продували ихъ послѣ выстрѣла.

— Пановъ продували, Павелъ Ивановичъ?

— Ружья, дурень! Пана развѣ продуешь? Онъ самъ тебя продуетъ.

Мы прошли съ четверть версты и вышли на полянку, на срединѣ которой росъ колоссальный дубъ; кругомъ его стѣной тѣснилась молодая чаща; узкія, чуть примѣтныя дорожки прорѣзывали ее, лучами разбѣгаясь въ разныя стороны.

— Ну, братцы, не пойду я дальше, заговорилъ Павелъ Ивановичъ: подбились-таки старыя ноги, да и голова что-то кружится... Тутъ подъ своимъ дубомъ и сяду. Михайло, поставь сюда скамеечку! И ладно будетъ... совсѣмъ хорошо... Вѣдь и мѣсто-же; нѣтъ лучше этого мѣста!... Тутъ вонъ съ лѣваго отрожка и собакъ пускать... Размыкай, Соломонъ премудрый!

Соломонъ премудрый направился со стаей къ отрожку.

— Вы, молодята, обратился къ намъ Бакаревскій, какъ себѣ знаете, а ты, Алексѣй, подайся вправо: тутъ, шаговъ двѣсти пройдешь, есть такой ложокъ и болотинка—тамъ и стань. Какъ ни ходи коза, а этихъ двухъ мѣстъ не минуетъ: либо твоего, либо моего... развѣ что эти долгоногіе ее гдѣ-нибудь въ чащѣ перехватятъ.

— Ладно, знаю, кивнулъ головою старый Бѣлизна, отправляясь по указанному направленію.

Отправились и мы. Соломонъ премудрый загудѣлъ въ рогъ и загоготалъ дикимъ, могучимъ голосомъ, раскатившимся по гулкой чащѣ, точно завываніе лѣшаго.

— Вишь ты, Иродъ, тѣшится! съ умиленіемъ восклик-

нулъ Бѣлизна младшій, вскинувъ на меня блестящіе восторгомъ глаза.

— Здорово! отвѣчалъ я ему въ томъ-же тонѣ: любо!

Дѣйствительно было „любо“. Утро стояло теплое, чуть-чуть туманное; синій, прозрачный сумракъ окутывалъ лѣсныя чащи; словно зачарованныя, неподвижно стояли иглы молодого осинника; нѣмая тишь царила; изрѣдка лишь тяжелая капля воды падала съ оголившихся вѣтвей и глухо шуршала въ опавшей листвѣ; лѣсная почва, покрытая завядшей, побурѣвшей травой, была упруга и скользка; тонкія свѣтлосѣрыя тучи тихо плыли надъ лѣсомъ, погруженнымъ въ глубокую дрему.

И въ эту глубокую тишь, въ эту нѣмую дремоту лѣса теперь вторгались чуждые, необычные звуки: стонъ, лай и визгъ сорока собачьихъ голосовъ, сливавшихся въ дикую гармонію горячаго гона, и среди этого смѣшаннаго хора мѣрно, точно удары колокола, раздавался могучій голосъ стараго Интеграла, лучшаго гонца въ стаѣ Алексѣя Ивановича.

Коза задала огромный кругъ; гонъ уходилъ все дальше и дальше; съ минуты на минуту ждалось, что замолкнутъ послѣдніе отголоски, и лѣсъ снова погрузится въ свой непробудный сонъ и глухая тишь снова охватитъ его густыя, непролазныя чащи.

Гонъ однако не смолкъ, а напротивъ сдѣлался слышнѣе: звѣрь повернулъ въ нашу сторону.

Все явственнѣе и явственнѣе слышались голоса собакъ, и шагахъ въ ста-пятидесяти отъ меня, черезъ узенькую полянку, громадными скачками перепрыгнула коза, прямымъ путемъ направляясь въ ту лощинку, гдѣ уже давно стоялъ, поджидая ее старый Бѣлизна.

— Правъ „лѣсной дѣдъ“: не минуетъ коза Алексѣя Ивановича, подумалъ я.

Въ эту минуту вправо отъ меня раздался выстрѣлъ.— Перехватилъ-таки долгоногій въ чащѣ, опять мелькнуло у меня въ головѣ.

За выстрѣломъ раздалось торжественное „ого-го-го!“ скоро затѣмъ смѣнившееся отчаяннымъ „на-на-на-на!“.

Ясно было, что поваленная выстрѣломъ коза оправилась и показала зеркало слишкомъ преждевременно торжествовавшему охотнику.

Подвалившая на отчаянный призывъ стая взревѣла по зрячему, прогнала шаговъ двѣсти, триста, и сразу замолкла. Я со всѣхъ ногъ бросился къ этому мѣсту, продираясь чуть не съ опасностью жизни сквозь кусты, задыхаясь отъ быстраго бѣга; бросился, ибо хорошо зналъ, что при малѣйшемъ опозданіи собаки Бѣлизны оставятъ отъ убитой козы лишь одно воспоминаніе.

А на мѣстѣ, гдѣ гончія дошли звѣря, уже кипѣла ожесточенная свалка, раздавалось свирѣпое рычаніе, лай и визгъ; огромною кучкой собаки копошились, какъ черви, надъ остатками злополучной козы; возлѣ стоялъ Михаилъ Алексѣевичъ съ безнадежной тоской во взорахъ и ругался, какъ язычникъ.

— „Остались отъ козлика ножки да рожки“, поддразнилъ я его на всякій случай.

Онъ предварительно выбранилъ меня, а потомъ воскликнулъ глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Ну собачки у Алексѣя Ивановича! Всѣхъ-бы на одной осинѣ перевѣшалъ!

Говоря такъ, Михаилъ Алексѣевичъ не замѣчалъ, что и его золотистые однопометники съ равнымъ усердіемъ принимали участіе въ общей трапезѣ.

— Кого это ты тамъ вѣшать собираешься? раздался за нами голосъ Алексѣя Ивановича.

— Собакъ вашихъ, черти-бъ ихъ драли! отозвался Лещиновъ.

— Ну и дурень! Самъ виноватъ, а собакъ вѣшать хочетъ! Я на твоемъ мѣстѣ лучше-бъ самъ повѣсился.

— Чѣмъ-же это я виноватъ, позвольте васъ спросить?

— Тѣмъ и виноватъ, что дурень: стрѣлять не умѣешь... Всякая собака есть собака, стало-быть звѣрь умный и разсудительный, и разсуждаетъ она совершенно правильно: ты вѣдь стрѣляешь козу, чтобъ потомъ ее съѣсть, и она гонитъ для того же; то-есть не для того, чтобъ ты съѣлъ,

а для себя... Пойми, умная голова!—тутъ ужъ кто раньше доспѣлъ, тотъ и правъ...

Такъ резонировалъ старый Бѣлизна; а собаки между тѣмъ доѣдали остатки козы и грызлись между собой, пока подоспѣвшій Соломонъ премудрый не водворилъ между ними миръ и порядокъ при помощи арапника.

— Богъ знаетъ, какъ вы разсуждаете, Алексѣй Ивановичъ!—пытался возражать Лещиновъ.

— Богъ знаетъ какъ?! Я совсѣмъ хорошо разсуждаю! Вотъ пойдемъ-ка къ Павлу Ивановичу: онъ тебя разсудитъ, да еще, пожалуй, и вихоръ надеретъ!

Гурьба наша двинулась по направленію къ полянкѣ, гдѣ вначалѣ охоты остался Бакаревскій.

Павла Ивановича мы застали на томъ-же мѣстѣ; онъ сидѣлъ на своей скамеечкѣ, прислонясь спиною къ огромному дубу; барашковая шапка низко надвинулась ему на глаза; вѣрная „Касселька“ лежала на колѣняхъ; руки были опущены по обѣимъ сторонамъ тѣла и висѣли, какъ плети.

Не выдержалъ таки старый, уснулъ, разморило... говорилъ Бѣлизна, приближаясь къ сидѣвшему неподвижно Бакаревскому.—Павелъ Ивановичъ, просыпайтесь! Тутъ у насъ съ Михайлой казусное дѣло вышло!

И старый Бѣлизна взялъ за руку Павла Ивановича, но въ ту-же минуту выпустилъ ее и отступилъ на шагъ назадъ; рука Бакаревскаго тяжело опустилась и приняла прежнее положеніе.

— Вотъ тебѣ и уснулъ! Не сонъ это, братцы!

Мы и сами видѣли, что это не сонъ.

Алексѣй Ивановичъ снялъ шапку, перекрестился и тяжелая слеза медленно поползла по его щекѣ; мы также обнажили головы.

— Царство небесное, вѣчной покой! дрогнувшимъ голосомъ опять заговорилъ Бѣлизна. Хорошо умеръ человѣкъ; дай Богъ всякому!

Въ глубокомъ молчаніи понесли мы тѣло Павла Ивановича въ усадьбу; лишь Бѣлизна по привычкѣ порой пы-

тался дѣлать юмористическія замѣчанія; но это ему плохо удавалось.

-- Вишь какого звѣря рѣдкостнаго съ охоты несемъ... Эхъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!..

И голосъ его снова прерывался, и снова катились слезы по морщинистымъ старымъ щекамъ и мочили сѣдые, на грудь повисавшіе усы.

Въ самыхъ воротахъ усадьбы насъ встрѣтила какая-то дѣвченка и съ громкимъ крикомъ: „Ой лишечко, пана несутъ!“ пустилась бѣжать по двору. На крыльцѣ появилась Ѳедосья Петровна.

Она не плакала; она точно одеревенѣла вся и только качала головою, приговаривая:

— Ой, Павелъ, Павелъ, вѣдь говорила я тебѣ!.. Развѣ-жъ не говорила?.. вѣдь говорила!..

— Ну ужъ, матушка Ѳедосья Петровна, тутъ хоть говори не говори, а Божья воля—не воротимъ! утѣшалъ ее Алексѣй Ивановичъ.

— Не воротишь!... беззвучно прошептала она вслѣдъ за нимъ, а затѣмъ, словно припоминая что, схватила себя руками за голову и обратилась къ намъ:

— Спасибо вамъ, гости милые, что потрудились, домой его принесли... пожалуйте въ комнаты... распоряжайтесь, закусывайте!... Тамъ закуска на столѣ готова... а я не могу, не взыщите, мои голубчики... не мо-гу...

Старушка зарыдала, безсильно опустилась на сундукъ, стоявшій въ передней, и уткнулась лицомъ въ уголъ.

Намъ было тоже не до закусокъ. Мы скоро разъѣхались, отдавши послѣдній привѣтъ Павлу Ивановичу, теперь спокойно и важно лежавшему на большомъ дубовомъ столѣ въ залѣ своей Гущинской усадьбы.

— Пріѣзжайте, гости дорогіе! напутствовала насъ Ѳедосья Петровна: не забывайте меня, старую!.. Только и я-жъ вѣдь скоро за Павломъ уйду... скоро... А кто-же васъ тутъ безъ меня накормитъ, гости милые?..

И Ѳедосья Петровна опять разрыдалась неудержимо...

Въ началѣ іюля слѣдующаго года мы съ Лещиновымъ опять поѣхали въ Гущанку на тетеревей и послѣ неудач-

ной охоты воротились домой усталые, печальные и голодные. Накормить насъ было дѣйствительно некому—Ѳедосьи Петровны мы не застали въ живыхъ. Могучій лѣсъ Бакаревскихъ представлялъ лишь жалкіе остатки прежняго величія: на мѣстѣ дуба, подъ которымъ умеръ Павелъ Ивановичъ, теперь торчалъ лищь огромный пень; а въ старой дворянской усадьбѣ хозяйничалъ жидъ, блеяли жидовскія козы, и по двору бѣгали курчавые жиденята въ своихъ оригинальныхъ штанахъ-камзолахъ съ прорѣхами назади, изъ которыхъ, на подобіе хвоста, торчали концы замазанныхъ рубашенокъ.

Н. Вербицкій.